

Век коммунизма Витторио Страда filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Век коммунизма? Витторио Страда

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ события, начавшиеся в Петрограде в 1917 году и затем охватившие всю Россию, называли по-разному: риторически «Великой Октябрьской социалистической революцией» – началом новой эры истории, или попросту большевистским «государственным переворотом», который поставил крест на демократической Февральской революции.

Наиболее нейтральная формула заключена в названии книги американского журналиста Джона Рида, определившего петроградские события как «десять дней, которые потрясли мир». Ридовский репортаж пользовался в свое время огромной популярностью: книга, одобренная Лениным, усмотревшем в ней позицию, совпадающую с собственной, впоследствии запрещенная Сталиным, потому что центральная роль отводилась здесь не ему, а его сопернику Троцкому, – отличается живостью изложения хроники событий, но одновременно и односторонностью источников информации, в основном большевистских, и непониманием драматичности, если не трагичности исторического значения происходившего в России. Эта книга, при всей ее непосредственности, – первый пример мифологизации октябрьского переворота.

Описательная формула «десять дней, которые потрясли мир» остается справедливой, с одной лишь оговоркой, что эти дни были только началом перманентного потрясения, длившегося почти три четверти века и закончившегося в августовские дни 1991 года, когда цикл, начавшийся в октябре 1917 года, завершился, и Советский Союз прекратил существование, оставив по себе в наследство ситуацию почти той же смуты, которой было отмечено его рождение.

При этом следует заметить, что петроградские октябрьские дни, конечно же, потрясли мир, но в первую очередь и с большими разрушительными последствиями, ту его часть, где происходили, то есть Россию, которая очень скоро перестала существовать как таковая, ставши составной частью нового одновременно много- и наднационального государственного образования – Союза Советских Социалистических Республик.

Таким образом, возникла проблема соотношения старой и, так сказать, новоявленной России как части СССР, пусть и преобладающей. Возникла также и проблема соотношения СССР и остальной части мира, проблема совершенно новая, поскольку, в отличие от любого государства традиционного типа, включая и царскую Россию, СССР был государством своеобразным, так как считал и объявлял себя исходным ядром будущего тоталитарного сообщества, которое должно было родиться в результате мировой революции, и СССР был ее плацдармом и центром интернациональной организации, призванной осуществлять и направлять этот переворот.

Правда, на деле, с эволюцией исходной ситуации и изначального замысла, СССР превратился в империю нового типа, а мировая революция стала синонимом имперской экспансии, что было двумя сторонами одной медали. Верно, однако, и то, что новая империя коренным образом отличалась и от царской, с которой практически совпадала территориально: это была советская, красная империя, возникшая в границах российской, культура которой, подвергнутая манипуляциям со стороны новой идеологии, поставляла немало ингредиентов для нового «советского патриотизма».

Джон Рид со своим романтическим восторгом перед еще только нарождавшейся революцией не мог отдавать себе отчета в том, насколько точной, независимо от его субъективных намерений, оказалась формула «потрясение мира», хотя самое значение и самая природа этого «потрясения» ускользали от него. Но более внимательные наблюдатели, главным образом русские, сразу почувствовали, что эти грандиозные события, которые многие сочли за зарю новой лучезарной фазы человечества, нужно интерпретировать как катастрофу, причем прежде всего для самой России, и как начало беспрецедентного деспотизма, впоследствии обозначенного неологизмом: тоталитаризм.

Как начало счастливого, хотя и нелегкого рождения нового мира интерпретировали эти десять дней, разумеется, революционеры и те, кто в России и вне ее по-своему разделяли, по крайней мере, временно, их мессианские ожидания. Это были, главным образом, те, кто в разных частях света безоговорочно примкнули к действиям российских революционеров большевиков – коммунистов, основав в своих странах партии по образцу той, которая одержала победу в России, и вступили в новый Интернационал.

Эти партии, возникшие, в основном, в результате раскола внутри уже существовавших социалистических партий, стояли на идеологической и политической платформе ленинского революционного марксизма и были неспособны к критическому анализу российских событий и конкретных обстоятельств, приведших к этим событиям. Правда, большевистская революция проистекала из сложной международной ситуации, кульминаровавшей в мировой войне, то есть она не была простым результатом кризиса самодержавия, а в дальнейшем слабости демократического правительства. Однако и интерпретирование российских революционных событий как заката «старого мира» и рождения «нового мира» во всемирном масштабе свидетельствовало о мощном заряде разрушительно-творческой страсти, а также о высокой степени интеллектуального ослепления, в скором времени приведшего к подчинению и зависимости от центрального руководства, приобретавшего все более и более авторитарный и монархический характер. Миф «октябрьской революции», в ридовской книге еще наивный и слабый, в коммунистических партиях приобретал догматическую форму мнимой рациональности, исключавшей какой бы то ни было критический подход, исторический анализ и конструктивный диалог.

Произошло самомифологизирование победившей революции, насильственная практика которой дополнялась идеологическим монологом новой власти. Это делалось не только через самовосхваление в революционной литургии празднеств, гимнов и символов, но и, что самое главное, в историографии, которая стала монополией революционной власти как в России, где такая монополия была тотальной, так и вне России, где гегемония официальной марксистско-ленинской версии в историографии была весьма сильной и стала господствующей после Второй мировой войны благодаря возросшему престижу СССР и всего коммунистического движения, завоеванному в борьбе с фашизмом.

Все это может показаться странным, поскольку революционеры, и не только в России, руководствовались не неким общим утопическим идеалом справедливости, который вдохновлял многие движения протеста и эмансипации, а теорией, претендовавшей на научность и основывавшейся на комплексе экономических, исторических и социологических дисциплин. Утопический элемент, пульсировавший в сердце марксизма, приобретал новое ценностно-смысловое значение по сравнению с традиционными формами, поскольку был вписан в четкую концептуальную систему. Эта система, в которой теория и практика были слиты воедино, стремилась к тотальной и окончательной универсальности – итогу трагической тысячелетней истории и началу будущей метаистории.

Среди самих марксистов, и, прежде всего, русских, от Плеханова до Мартова, прозвучали авторитетные голоса, осудившие захват власти большевиками как авантюру, поскольку он проистекал из несостоятельной предпосылки мировой революции, и в первую очередь западноевропейской, которая должна была компенсировать российскую социально-экономическую отсталость, и как террористическую акцию, опирающуюся на неограниченное насилие, и поэтому делавшую невозможной не только буржуазную, но и лелеемую в мечтах социалистическую демократию. Но, как говорит пастернаковский доктор Живаго, «марксизм слишком плохо владеет собой, чтобы быть наукой. Науки более уравновешенны» и нет «течения, более обособившегося в себе и далекого от фактов, чем марксизм». Предпринятый Марксом синтез утопии и науки в роковом 1917-м оказался расколот на марксизм без революции на Западе и марксизм без пролетариата в России, стране подавляющего крестьянского большинства и слабо развитого капитализма. Здесь во главе с Лениным восторжествовала революция ради революции, которая со своей идеей всеобщего обновления распалила воображение если не рабочих масс, то уж, наверняка, политической и интеллектуальной элиты, жаждавшей перенести на Запад и распространить по всему миру организационный и идеологический аппарат партии нового типа, которую Ленин замыслил и создал в начале века, а в октябре 1917 года привел к победе.

Вначале я говорил о книге, стоявшей у истоков мифа «октябрьской революции» и в самом своем названии очень выразительно передающей взрывной эффект этой революции и этого мифа в России и в мире. Сейчас я хочу назвать еще одну книгу, которая около восьми десятилетий спустя подвела интеллектуальный итог начавшемуся в 1917 году циклу и погребла этот миф. Это книга Франсуа Фюре «Прошлое одной иллюзии». Фюре, в отличие от Джона Рида, был историком, и крупным историком, новаторски разрабатывавшим проблематику ближайшей к «октябрьской революции» области – французской революции, с которой «октябрьская» соотносится как исторически, поскольку от 1789 года, но в

особенности от 1793-го года, шли идейные импульсы, мощно действующие и в России, так и идеологически, поскольку интерпретация большевистской революции как продолжения и завершения французской стало элементом марксистско-ленинского мифосознания, особенно во Франции. Здесь тоже, как и во всеобщем мифе «октябрьской революции», имело место своего рода интеллектуальное заблуждение, не позволившее увидеть коренное отличие одной революции от другой: ведь первая положила начало современному демократическому устройству, а вторая современной тоталитарной системе. Если сравнение между французскими событиями конца XVIII века и российскими начала XX, при всей приблизительности и несовершенстве исторических аналогий, допустимо, то 1789 год напоминает скорее Февральская революция, а октябрь отсылает к 1793 году, продливаемся, однако, с разной степенью интенсивности, не месяцы, а больше семи десятилетий, до 1991 года. В продолжение аналогии, Термидор, призраком которого страшали те, кто говорил о «преданной» или закатившейся, после начального «героического» периода, большевистской революции, настоящий Термидор наступил во времена перестройки, а главным образом после падения коммунистического режима в СССР.

Чтобы довести до конца аналогию между парижской и петроградской революциями, отметим, что, в противоположность мнениям, разделяемым радикальным коммунизмом, в повороте 1929 года – сталинской «революции сверху» – ничего «термидоровского», никакого ослабления революционного духа не было. Был же, наоборот, всплеск этого духа и одновременная его метаморфоза, возврат к атмосфере гражданской войны и военного коммунизма, преступный экстремизм в отношении ненавистных революционерам самостоятельных крестьян-хозяев. Это произошло, когда возможности и варианты большевистском «старой гвардии» исчерпали себя и революция оказалась в тупике, из которого выйти можно было только ценой отступления, что ставило под удар власть коммунистов и вело к кризису их идеологии, или же путем прорыва в двух альтернативных направлениях: мифа мировой революции и демагогии социализма в одной стране, в рамках ожесточенной борьбы за власть и за самое сохранение коммунистической власти, что стало главной целью сразу же после ее захвата в октябре 1917 года. И если верх взяла вторая альтернатива, это произошло не только вследствие преступного коварства Сталина или его тактической ловкости, а потому, что на его стороне была логика системы, так как на него работала наклонная плоскость, на которой революция оказалась с самого начала: Сталин всего лишь довел до крайности то, что в «октябрьской революции» содержалось в зародыше. Он вытолкнул ее из тупика, куда она загнала себя в конце 20-х годов, направив при этом на другой тупиковый путь, который, сопровождаясь успехами и провалами, привел к падению режима в 1991 году. Это и было настоящим Термидором.

Бесплодно и обманчиво играть в «альтернативизм», спрашивая, не пошло ли бы все по-другому, если бы бухаринский «хороший» коммунизм взял верх над сталинским. Гадать можно и относительно других ситуаций, например: а вдруг, если бы Ленин не вернулся в Россию в знаменитом «пломбированном вагоне», в 1917 году победил бы «хороший» социализм, или, в случае не такой преждевременной смерти Ленина, коммунизм оказался бы не таким «плохим»? Все игры воображения почти или совсем ничего не дают для понимания того, почему из многих возможностей осуществилась лишь одна-единственная.

Вернемся к Фюре, заслуга которого как историка в том, что он переосмыслил французскую революцию, освободив от якобиноцентрического взгляда на нее, выявив сложность тенденций и моментов, составивших ее драматическое величие, ее сложность, отразившуюся в богатстве подходов ее историографии, чего, наоборот, не было в монотонной коммунистической историографии Октябрьской революции. Заслуга Фюре как историка в том, что он дегеницировал французскую революцию и разорвал нити, которые часть французских историков протянула от «Марсельезы» к «Интернационалу».

Воздав должное деятельности Фюре-историка и его книге «Прошлое одной иллюзии», зададимся, однако, вопросом, подходит ли понятие «иллюзия» в качестве ключа к интерпретации прошлого, обозначенного в подзаголовке как «Коммунистическая идея в XX веке». Фюре оговаривает, что его книга не претендует на то, чтобы быть историей коммунизма, как и историей СССР в узком смысле: это «история коммунистической иллюзии до тех пор, пока СССР питал ее жизнь и содержание». И добавляет, что «иллюзия не «сопутствует» истории коммунизма, а есть ее составная часть», потому что «коммунизм считал себя воплощением закономерного развития исторического Разума» и

таким образом наделял смыслом ход истории, внушая тем, кто был готов поддаться иллюзии, утешительную уверенность, которая могла быть «радикально опровергнута историей» только в результате «исчезновения того, что обеспечивало ее сущность», – Советского Союза, как первоосновы претворившегося на практике коммунизма.

Но дело в том, что для тешащих себя иллюзиями ни одно опровержение радикальным не является, и коммунистическая иллюзия и после краха той исторической сущности, каковой была Октябрьская революция, нашла другое содержание и другие формы, о чем свидетельствует история европейских более или менее экстремистских левых сил последних десятилетий. У коммунистической «иллюзии» было прошлое, но у нее, трансформировавшейся и утратившей былые масштабы, есть также и настоящее, и будущее.

В случае коммунизма и марксизма было бы уместнее говорить скорее о заблуждении, чем об иллюзии, хотя мираж был компонентом того и другого на уровне ментальности. Мы имеем дело с тройным заблуждением: теоретическим, вытекающим из марксистской доктрины, которая, с одной стороны, реалистически усматривала в социальных конфликтах двигатель истории и развития, а с другой, постулировала в фантазии конец этих конфликтов как неизбежный исход развития истории и рождение нового однородного и единого общества. Этому утопическому по замыслу и пророческому по духу видению недоступно, что в новом обществе, которое будет позднее названо тоталитарным, неизбежно образование привилегированного класса или касты надсмотрщиков и хранителей доктрины, что приведет к возникновению нового, куда более серьезного расслоения, чем то, которое разоблачалось в обществе прошлого. Из теоретического заблуждения вытекало политическое, которое превращало обновляющую революцию в повивальную бабушку нового общества, просвещенного абсолютным знанием марксистского учения и находящегося под наставничеством коммунистической партии, и в силу этого совершившаяся в России революция приобрела для многих универсальную значимость. Наконец, моральное заблуждение, ибо такой проект не мог осуществиться без применения насилия, насилия нового типа, поскольку оно неукоснительно исходило из центра просвещенной революционной власти и систематически направлялось на целые социальные слои. Так что в сравнении с этим насилием якобинский террор был ограниченным и вялым.

Очень скоро для тех, кто разделял это заблуждение, оно превратилось в самообман, а для тех, кто был его объектом, в обман, в амплитуде между мифом и мистификацией. Это историческое заблуждение оказалось куда более непростительным вне породившей его почвы – России, где после революции на политической и интеллектуальной свободе был поставлен крест. На свободном же Западе те, кто принял за здоровые и удачные роды выкидыш истории – октябрь, продемонстрировали пагубную политическую и культурную незрелость и, перейдя на службу новому аппарату революционной власти, стали пособниками ее преступлений.

Заблуждение коммунизма, превратившееся в самообман и обман, стало для России и впоследствии для других стран, например Китая, важным моментом их истории: эти страны пережили глубокую трансформацию и ценой неисчислимых человеческих жертв осуществили парадоксальную «регрессивную модернизацию», которая ограничилась развитием экономики и обошла сферу политики и культуры, что в случае России привело к отставанию в этой области по сравнению с дореволюционным временем. Наоборот, для коммунистических партий на Западе это было не столько политическим, сколько моральным и интеллектуальным отступничеством от демократических традиций рабочего движения. В рядах социалистического движения раздались голоса критики в адрес Октябрьской революции, оно раскололось, и был открыт путь для восхождения противоположных политических движений, получивших название фашистских, в некотором смысле подражавших большевистскому эксперименту, но с прямо противоположных идеологических позиций, в безумном стремлении, наравне с большевиками, основать «новый порядок» и сформировать «нового человека». Коммунистическая парадигма единого и тотального общества была подхвачена фашизмом в противовес марксистской теории, целью которой было революционным путем положить конец классовому делению. Фашизмом, наоборот, постулировалась сплоченная национальная или расовая общность, способная подавлять или регулировать под тотальной эгидой новой партии или новой доктрины социальные конфликты во имя мнимых общих высших интересов. В обоих случаях, особенно в коммунистическом, мы имеем дело с беспрецедентным, преднамеренным обществом, построенным с нуля по теории и плану с установкой на новый мировой порядок. Фашистские движения и их контрреволюционные и

одновременно революционные режимы были отличны от традиционных реакционных режимов: они опирались на всеобщую перманентную мобилизацию масс и противопоставляли себя индивидуализму либеральной демократии.

Феномен коммунизма благоприятствовал утверждению своего антипода и соперника – фашизма, но не детерминировал его, потому что у последнего – своя собственная и иноприродная культурная генеалогия, хотя их и объединяла почва, на которой они произросли: глубокий кризис европейской цивилизации, вылившийся в мировую войну, и последовавшие трансформации на уровне массовой психологии и интеллигентской ментальности. В отличие от известного тезиса Эрнста Нольте, коммунистическая революция повлияла на контрреволюционную фашистскую революцию не как причина, а как катализатор, ускоривший и обусловивший развитие уже существовавшей тенденции. Что касается национал-социализма, который с итальянским фашизмом роднит национализм, то его специфическим и существенным компонентом был антисемитизм, сыгравший решающую роль в катастрофическом исходе.

Обе эти враждебные друг другу и соперничавшие между собой системы – коммунизм и фашизм, которые роднило друг с другом радикальное и принципиальное неприятие либеральной демократии и структура власти, опиравшаяся на единственную командную партию и идеологию, – объединяют под общей категорией тоталитаризма – своеобразной и новой формы власти, отличной от традиционного авторитаризма и деспотизма. Однако момент исторического развития двух главных разновидностей тоталитаризма по меньшей мере одинаков с моментом их структурного сходства. Предметом дискуссии является вопрос, можно ли итальянский фашизм, который парадоксальным образом сам считал себя тоталитарным и даже с гордостью заявлял об этом, действительно считать таковым или же это, скорее, форма недовоплотившегося тоталитаризма, недовоплотившегося по причине исторического компромисса, который начальный фашизм заключил с ранее существовавшими институтами политической, экономической, церковной власти. Следует, тем не менее, уточнить, что и в последнем случае итальянский фашизм не был формой традиционного авторитаризма, поскольку его несомненное изначальное и самобытное тоталитарное призвание, пусть не полностью осуществившееся, все-таки есть его характерная черта. Иное дело национал-социализм, проявивший свою тоталитарную природу более строго, последовательно и, нельзя не добавить, преступно. Но и в этом случае мы имеем дело с неполным тоталитаризмом, если сравнивать его с коммунистическим, поскольку этот последний распространился на всю экономическую сферу, уничтожив, в соответствии со своими идеалами общественного равенства, все формы частной собственности, которая в Германии продолжала существовать, хотя и под контролем режима, и разрушив гражданское общество под тяжестью гнета марксистско-ленинской идеологии, в то время как общество, существовавшее в Германии до прихода к власти нацистов, уничтожено не было, несмотря на гнет и давление. Иным было и отношение к религии, которую коммунизм подверг смертельным гонениям, тогда как нацизм и фашизм относились к ней относительно терпимо.

Можно заключить, что наименее совершенной разновидностью тоталитаризма был коммунизм, имея в виду также и большую его продолжительность, что позволило ему эволюционировать в соответствии с разными периодами его внутренней и международной истории, в то время как фашизм и нацизм отождествились со своими основателями – Муссолини и Гитлером, которые к тому же не обладали доктринальным аппаратом такой сложности, как марксизм, хотя и не были лишены собственного культурного обоснования. В ставшем уже привычным сравнении двух главных форм насилия и репрессий – нацистской концлагерной системы и коммунистического ГУЛАГа, требуется выявить не только сходство, но и разницу. Разницу не только количественного порядка, касающуюся единственно числа жертв и продолжительности преступлений. И с этой точки зрения пальма первенства за ГУЛАГОМ. Дело не в технике уничтожения: удушливый газ в одном случае, каторжный труд в другом. Подчеркнуть требуется также и разницу в типе «врага», подлежащего уничтожению: для нацизма «врагом» были вполне определенные этнические и «расовые» группы, в первую очередь, евреи и цыгане. Для коммунизма, – и советского и, позднее, азиатского – «враг» был представлен социальными категориями, границы которых не поддавались однозначному определению и которые объединялись под одной этикеткой «классового врага» или «врага народа». Сравнение существовавших в истории форм тоталитаризма нужно не для их релятивации, как будто злодеяния одного могут стать своего рода алиби для другого; оно необходимо для того, чтобы выявить специфику каждой из этих трагедий. Советскому коммунизму нельзя отказать в трагическом величии,

Век коммунизма Витторио Страда filosoff.org
которого лишен национал-социализм, более омерзительный и по идеалам, и по практике.

Противник и соперник коммунизма, фашизм неожиданно дал ему мощный толчок и не просто укрепил его в жесточайшей войне, в которой потерпел поражение, а коммунизм одержал победу, парадоксальным образом став союзником собственного изначального и главного врага – капиталистических демократий. В силу этого временного, но неизбежного, альянса коммунизм приобрел новый авторитет, основанный на антифашизме в том особом значении, которое это понятие получило в марксистско-ленинском лексиконе, значении прямо противоположном антитоталитарному либерально-демократическому и демократическому социалистическому антифашизму.

Коммунистическая система казалась несокрушимой, но внутри нее возникли значительные силы сопротивления и оппозиции, разные по природе. Это был демократический антикоммунизм, возобладавший в мирных революциях конца 60-х годов, а в Советском Союзе утвердившийся в форме «инакомыслия». Антифашистский антикоммунизм был великой позитивной критической силой, противостоявшей коммунистическому заблуждению и мистификации. Важнейшей его частью были бывшие коммунисты, поначалу разделявшие аберрацию коммунизма, но сумевшие преодолеть ее, многие из них сами стали его беспощадными критиками и предсказали и ускорили его конец.

Что касается посткоммунистов, возникших после поражения коммунистических партий в качестве их наследников, то они в лучшем случае пытаются вернуться к традициям демократического социализма, с которым боролись, и приспособить их к новой исторической ситуации, не преодолев при этом собственные специфические традиции, полярно противоположные тем, которые хотели бы восстановить и которые, впрочем, уже практически утратили былую жизнеспособность. Более семи десятилетий коммунизма не могли не оставить по себе неизгладимого следа: те «десять дней» 1917 года действительно «потрясли мир» надолго, хотя и не так, как в свое время воображали протагонисты этих событий.

Сегодня стоит задача более адекватного познания и исторического понимания коммунистического проекта не только в XX веке, в котором он конкретизировался, но и в предшествовавшем ему, когда была разработана его теория. Два века, каждый с собственным своеобразием, составляют единство, обоснование которого – в промышленной революции и в последовавших коренных трансформациях во всех областях. Эти два столетия концентрируют невиданный по насыщенности и продолжительности опыт, от французской революции 1789 года до запоздалых центрально- и восточноевропейских революций 1989–1991 годов. В XX веке феномен коммунизма и противоположного ему фашизма был проявлением крайней напряженности и разлада внутри европейского мира, травматически вылившихся в Первую мировую войну. В наши дни напряженность и разлад переживает, скорее, не Европа, а глобализованный мир. После краха интернационал-коммунистического фундаментализма и национал-фашистского на сцену выступили экстраевропейские фундаментализмы и над человечеством нависли новые опасности. История не кончилась. Поэтому-то и нужно изучать прошлое, проецирующееся на настоящее. А особенно историю коммунизма – центральную в истекшем столетии, которое можно назвать веком коммунизма или, что будет точнее, веком тоталитаризмов и их поражения.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!